

Н. В. Кальченко

ВОПРОСЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ УЧАСТНИКОВ ВНУТРЕННИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы толкования правовых норм, закрепляющих основания ограничения права на жизнь, к которому вынуждено прибегнуть государство в ходе пресечения внутренних вооруженных конфликтов; выявляются коллизии в соответствующих нормативно-правовых актах, предлагаются возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: внутренний вооруженный конфликт, право на жизнь, толкование права, чрезвычайное положение.

The article considers questions of interpreting legal norms, recoding conditions for restricting the right to life the state has to resort to in the course of repressing interior armed conflicts. The author reveals contractions in certain normative legal acts and proposes the ways for their resolving.

Key words: interior armed conflict, right to life, interpreting law, emergency situation.

Право на жизнь занимает особое место в универсальной системе прав и свобод человека, что вполне объяснимо с позиции ценностного характера провозглашаемого им блага. Однако, несмотря на свою значимость, данное право не относится к категории так называемых абсолютных прав и свобод, которые, согласно позиции международного сообщества, выраженной в многочисленных международных договорах, не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах. Существует ряд правовых оснований, закрепленных на уровне как международных, так и национальных нормативно-правовых актов, допускающих ограничение права на жизнь.

Можно констатировать, что права человека обладают всеми атрибутами субъективных прав. В структуре каждого из них можно выделить правомочие обладания благом, ради которого, собственно, и реализуется то или иное право. Соответственно, содержательную сторону деятельности по ограничению права можно представить в виде процедуры принудительного сужения возможности доступа лица к благом. На установленный законодателем отрезок времени для конкретного индивида меняются условия пользования благом, но по его истечении доступ к нему должен быть

восстановлен в полном объеме. С юридической позиции ограничение доступа к благом осуществляется посредством ограничения опосредующего его права.

Если рассматривать право на жизнь в узком смысле как возможность биологического существования человека в условиях, исключающих угрозу причинения смерти, то очевидно, что ограничение данного права трансформируется в его лишение, поскольку специфичной чертой жизни как блага выступает его восстановимость. «Смерть» является биологическим состоянием, которое невозможно преобразовать обратно в «жизнь». В какой-то степени это правовое положение умаляет такое важнейшее свойство всех прав и свобод человека, как неотчуждаемость.

В современной России, как и во многих других государствах, потребность в анализе правовых оснований ограничения права на жизнь обусловлена не только чисто теоретическим интересом, но и практической потребностью, связанной в том числе, и с необходимостью применения принуждения в ходе разрешения внутригосударственных конфликтов.

Очевидно, что разрешение конфликтов такого рода невозможно вне соответствующего правового поля, образуемого четко

сформулированными нормативными положениями, устанавливающими правовой режим зоны конфликта. Как правило, использование государством чрезвычайных мер для стабилизации общественных отношений, деформированных вследствие конфликтов внутригосударственного масштаба, предполагается в рамках особых правовых режимов. Законодательством России предусмотрены два вида режимов такого рода: режим чрезвычайного положения и режим контртеррористической операции.

Характерным признаком особых правовых режимов является существенное ограничение прав и свобод человека; это одна из экстраординарных мер, необходимых для обеспечения общественной безопасности, а также безопасности самого государства.

Правовую основу любого из особых правовых режимов составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, договоры с участием РФ, Конституция РФ, федеральные законы, подзаконные нормативные акты. Среди действующих международно-правовых актов, регламентирующих деятельность государств и других участников в период внутренних вооруженных конфликтов, обычно выделяют Дополнительный протокол 2 к Женевским конвенциям 1949 г. [1], касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Однако необходимо иметь в виду, что все без исключения положения Протокола 2 предназначены для защиты людей, либо не принимающих непосредственного участия в военных действиях, либо уже прекративших участие в них. Думается, что к ним, помимо гражданского населения, могут быть отнесены представители противоборствующих сторон, прекратившие участие в боевых действиях по своей воле (сложив оружие) либо по обстоятельствам, не зависящим от их воли (вследствие ранения, болезни, задержания). В соответствии со ст. 4 п. 2 Протокола 2 в отношении данных лиц, независимо от того, ограничена их свобода или нет, запрещается целый ряд действий и в первую очередь — посягательства на их жизнь.

Тем не менее большинство международных договоров обходят стороной вопрос об ограничении права на жизнь действующих участников конфликта. Лишь Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. содержит перечень целей, достижение которых может сопрягаться с умышленным лишением человека жизни, среди которых фигурирует такая цель, как «подавление бунта или мятежа». Данные деяния можно признать формами внутренних вооруженных конфликтов.

Согласно ст. 15 Конституции России международные договоры с участием России (в том числе и названная Европейская конвенция) являются составной частью российской правовой системы. Поэтому наличие в конвенции положений, определяющих фактическую возможность лишения человека жизни, можно признать достаточным формальным основанием для соответствующих действий со стороны государства. В то же время, полагая себя цивилизованным и позиционируя свой правовой характер, оно должно очень осторожно и взвешенно подходить к вопросам правовой регламентации действий, направленных на ограничение права, не обладающего способностью восстановления. Это обстоятельство обуславливает необходимость формирования четкой нормативной базы, кладущейся в основу деятельности по силовому разрешению внутренних конфликтов. Воля законодателя должна быть выражена четко и недвусмысленно, исключая возможность какого-либо неоднозначного толкования.

На данный момент основу нормативной базы в этой области образуют: Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении», законы РФ «О противодействии терроризму», «О милиции», «О внутренних войсках МВД РФ» и др.

Заметим, что Законом «О чрезвычайном положении» предусмотрен довольно широкий перечень субъектов, привлекаемых для обеспечения режима как такового. Это сотрудники органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, уголовно-

исполнительной системы и др.; в исключительных случаях к данному виду деятельности могут привлекаться Вооруженные силы РФ, другие войска, воинские формирования и органы.

Федеральное законодательство довольно подробно регламентирует их деятельность по применению чрезвычайных мер ограничительного характера, однако используемые при этом законодательные конструкции не всегда безупречны. Приходится с сожалением констатировать недостаточную четкость некоторых отраженных в них формулировок. Это обстоятельство создает проблемы при толковании правовых норм, касающихся действий, непосредственно направленных на ограничение права на жизнь либо сопряженных с этим деянием.

Так, при обеспечении режима чрезвычайного положения среди задач, выполнение которых возложено на Вооруженные силы РФ, другие войска, воинские формирования и органы, обозначено участие «в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований» (п. «г» ч. 2 ст. 17). Между тем законодатель не дает толкования термину «пресечение». Большой толковый словарь русского языка поясняет, что «пресечь» — означает «энергичным вмешательством положить конец чему-либо, прекратить что-либо, оборвать» [2, с. 966]. Очевидно, что положить конец противоправной деятельности можно либо путем задержания лиц, ее осуществляющих, либо посредством их физического уничтожения. «Оборвав» человеческую жизнь, можно прекратить любое совершаемое человеком деяние. Очевидно, что в сравнительной аксиологической оценке таких благ, как жизнь, с одной стороны (при уничтожении), и свобода и личная неприкосновенность — с другой (при задержании), явно превалирует значимость жизни.

В ч. 3 ст. 17 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» законодатель уточняет, что на военнослужащих Вооруженных сил РФ, других войск, формирований и органов распространяются положения федерального законодательства о

внутренних войсках в части, касающейся условий, порядка и пределов применения оружия, боевой и специальной техники. В свою очередь Закон РФ «О внутренних войсках МВД РФ» (ст. 23) к числу задач, ставящихся перед воинскими подразделениями специального назначения и воинскими подразделениями оперативного назначения, относит «участие в разоружении и ликвидации незаконных вооруженных формирований и организованных преступных групп». Заметим, что термин «ликвидация», явно не нуждающийся в дополнительном толковании, используется при постановке задач не любому из подразделений внутренних войск, а только вышеназванным. Из сказанного следует, что участвовать в ликвидации незаконных вооруженных формирований и организованных преступных групп могут не только военнослужащие внутренних войск, но и Вооруженных сил РФ, привлекаемых в качестве дополнительных сил для обеспечения режима чрезвычайного положения, но не в полном составе, а лишь те из них, которые служат в подразделениях специального назначения и подразделениях оперативного назначения и лишь при наличии условий, предусмотренных ст. 18 Закона РФ «О внутренних войсках». Таким образом, анализ федерального законодательства позволил прийти к выводу, что основания осуществления деятельности, именуемой в Законе РФ «О чрезвычайном положении» «пресечением» должны толковаться ограничительно.

Заметим, что уголовно-правовая оценка вышеназванных действий, ограничивающих право на жизнь, тоже весьма неоднозначна. Если оценивать с позиции уголовного закона действия сотрудников подразделений оперативного назначения, то, полагаем, что они вполне «укладываются» в рамки соответствующих уголовно-правовых институтов, в силу чего их правовая оценка не вызывает особых затруднений, т. к. участие подразделений оперативного назначения в ликвидации предполагается только при проведении мероприятий по их разоружению и при условии, что участники данных формирований оказывают вооруженное

сопротивление (ст. 18 Закона РФ «О внутренних войсках МВД РФ»).

Что же касается военнослужащих подразделений специального назначения, то их участие в ликвидации участников вооруженного конфликта предусмотрено без каких-либо дополнительных условий. Это означает, что указанная деятельность может как соответствовать, так и не соответствовать тем критериям, которые установлены уголовным законодательством в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния. Получается, что одно и то же деяние при разных условиях может как соответствовать требованиям обоих законов, так и противоречить запретам одного из них.

Таким образом, возникает ситуация своеобразной конкуренции правовых норм двух равнозначных законов — «О внутренних войсках» и УК РФ. При определенных обстоятельствах такая конкуренция способна обостриться, обретая форму коллизии. Заметим, что способствовать разрешению коллизии мог бы статус Закона «О чрезвычайном положении» (федеральный конституционный), однако в самом законе, как отмечалось, законодатель прибегнул к использованию термина «пресечение», что в отсутствие легального толкования формально не позволяет отождествлять его с «ликвидацией» и, соответственно, использовать для устранения названного противоречия.

Кроме того, в самом Законе «О чрезвычайном положении» отмечается, что «установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации порядок и условия применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники изменению в условиях чрезвычайного положения не подлежат». Следовательно, законодатель сам акцентирует внимание на необходимости соблюдения условий применения оружия, установленных федеральными законами.

Примечательно, что указанные радикальные меры, ограничивающие важнейшее из всех прав человека, не связаны только и исключительно с режимом чрезвычайного положения. Статья 23

Закона РФ «О внутренних войсках МВД РФ» предполагает возможность участия военнослужащих подразделений специального назначения внутренних войск в ликвидации указанных лиц *без ссылки на наличие какого-либо особого правового режима*.

Причем, если уголовный закон исходит из презумпции противоправности любого посягательства на жизнь и лишь в особых исключительных обстоятельствах признает лишение жизни допустимым, то Закон «О внутренних войсках МВД РФ» ликвидацию, т. е. умышленное причинение смерти, не только полагает правомерным, но и возводит в ранг категории долженствования, относя данное деяние к сфере профессионального долга военнослужащих МВД РФ.

Учитывая, что отрасли российского права составляют единую систему, логично предположить, что деяние, легализованное в рамках какой-либо из отраслей, не должно подпадать под запреты, установленные другой отраслью. В то же время выявление в характере того или иного деяния признака общественной опасности является исключительной прерогативой уголовного закона. Однако и в описанных нами ситуациях, и в ряде иных обстоятельств, связанных с применением оружия сотрудниками правоохранительных органов, позиция уголовного закона по вопросу преступности либо неправомерности деяния расходится с позицией, отражаемой иными федеральными законами, что, на наш взгляд, выступает признаком несовершенства законодательства.

В ходе анализа проблемы коллизии нормативно-правовых актов следует принять во внимание и конституционные положения. Вопрос ограничения прав и свобод человека в условиях режима ЧП отражен в ст. 56 Конституции РФ. В ч. 3 данной статьи закреплен прямой запрет подвергать ограничениям в условиях названного правового режима целый ряд прав и свобод человека, в том числе и право на жизнь. Думается, что речь идет не о тотальном запрете ограничений в принципе (поскольку, как отмечалось выше, право на жизнь может подвергаться ограничениям и в обычных, не

чрезвычайных обстоятельствах), а о запрете каких-либо ограничительных действий, не предусмотренных законом и оправдываемых ссылкой на экстремальность обстановки. Хотя теоретически можно предположить, что в процессе официального толкования содержания данной нормы Конституционным судом РФ диспозиция ч. 3 ст. 56 могла бы быть оценена как констатирующая презумпцию неприкосновенности жизни, что позволило бы признать за уголовным законом, занимающим аналогичную позицию, приоритет в оценке действий, связанных с ограничением права на жизнь в условиях режима чрезвычайного положения.

Проблема правовой оценки деятельности, сопряженной с ограничением права на жизнь, возникает не только в отношении лиц, состоящих на службе в Вооруженных силах РФ, но и в отношении сотрудников органов внутренних дел, привлекаемых к разрешению внутренних вооруженных конфликтов. Однако ни в Законе РФ «О чрезвычайном положении», ни в Законе РФ «О милиции» ничего не сказано о наделении их какими-либо чрезвычайными полномочиями по применению принуждения, сопряженного с ограничением названного права. Они даже не отнесены к числу субъектов пресечения деятельности незаконных вооруженных формирований [3]. Иными словами, в условиях внутреннего вооруженного конфликта сотрудники ОВД должны действовать на основе нормативно-правовой базы, предусмотренной для мирного времени. Очевидно, что правовые основания применения огнестрельного оружия, предусмотренные Законом РФ «О милиции», не всегда способны «охватить» всю гамму обстоятельств, возможных в условиях масштабного конфликта.

Вместе с тем неправомерное применение физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники лицами, обеспечивающими режим чрезвычайного положения, влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 34 Закона РФ «О чрезвычайном положении»).

Анализ вышеназванных нормативно-правовых актов демонстрирует двусмысленность позиции законодателя, который, с одной стороны, пытается позиционировать довольно жесткий подход к вопросу ограничения прав и свобод в условиях внутренних вооруженных конфликтов, с другой же — избегает прямого указания на характер этих ограничений и не вполне логичен и последователен в своем определении круга субъектов, правомочных их применять. Полагаем, что найдется немало аргументов, обосновывающих целесообразность действий по ликвидации лиц — участников незаконных вооруженных формирований, причем силами не только войсковых подразделений, но и подразделений сотрудников правоохранительных органов. Между тем позиция законодателя приводит к тому, что тактически верная деятельность в ряде случаев не может быть признана правомерной, а предпринимаемое от имени государства принуждение оборачивается нарушением прав и свобод человека.

Таким образом, можно констатировать, что конкуренция правовых норм, выступающая фактором, провоцирующим их коллизионное «столкновение», это достаточно острая проблема, требующая единообразного решения. В этой связи заслуживает внимания и серьезного обсуждения высказываемая в литературе позиция, суть которой — в признании и закреплении *на уровне уголовного закона* в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, *правомерного выполнения служебных (профессиональных) обязанностей или общественного долга, совершенного с соблюдением установленных правил* [4, с. 51—54].

Надо признать, что эта законодательная новелла позволила бы снять ряд вопросов, касающихся оценки правомерности принудительных мер ограничительного характера, осуществляемых сотрудниками ОВД как в условиях режима чрезвычайного положения, так и в иных экстремальных обстоятельствах. Кроме того, внести ясность в эту область правового регулирования мог бы

Конституционный суд РФ посредством толкования ст. 56 Конституции РФ. Вкупе эти два шага помогли бы в разрешении проблемы коллизии отмеченных нами правовых норм.

Однако предложение о внесении в уголовное законодательство новой правовой нормы (и, соответственно, формировании нового взгляда на многие ситуации, складывающиеся в процессе правоохранительной деятельности) помимо позитивной стороны имеет и свои «подводные камни».

Во-первых, возникает закономерный вопрос о содержании и юридической силе тех самых правил, которые будут определять правомерность действий. Можно спрогнозировать, что ряд этих правил будет содержаться в ведомственных нормативных актах, доступных для ограниченного круга субъектов. Подобное обстоятельство может вступить в противоречие с ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, устанавливающей, что «любые нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы для всеобщего сведения».

Во-вторых, очень сложно сформулировать норму закона таким образом, чтобы исключить необходимость ее дополнительного толкования применительно к отдельным, конкретно взятым ситуациям. В то же время расширительное толкование, к которому могут прибегнуть субъекты ограничительных действий, способно сыграть роль формального основания для перерастания ограничения прав и свобод в их нарушение, осуществляемое от имени государства.

С учетом сказанного можно сделать вывод о том, что законодательное закрепление нормы о признании выполнения служебных (профессиональных) обязанностей в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, должно быть признано приемлемым, но не в общем виде, а только применительно к частным ситуациям, прямо предусмотренным действующим законодательством. В целом же можно констатировать, что перед российским законодателем стоит задача оптимизации нормативно-правовой базы, регламентирующей

действия ограничительного характера в отношении важнейшего из всех прав человека.

Список библиографических ссылок

1. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М., 1997.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. СПб., 2001.
3. К их числу, как отмечалось, законодателем отнесены лица, состоящие на службе в Вооруженных силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах (ч. 2 ст. 17 Закона РФ «О чрезвычайном положении»).
4. Михайлов В. И. Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2002. № 2.

© Н. В. Кальченко, 2009